

Глава 1

1819 год

Вечеринка грозила перерасти в настоящую вакханалию.

Как справедливо заметил Хитеркот, двадцать один год исполняется в жизни только раз. Марлоу, умудрившийся получить степень бакалавра по математике с отличием, прежде чем унаследовать титул, не преминул возразить, что двадцать восемь лет и тридцать тоже исполняется всего раз, однако друзья привыкли игнорировать его на удивление благоразумные замечания и посему пропустили эти слова мимо ушей.

Забравшись на стол в приватной столовой клуба «Уайт», Хитеркот заявил, что, устраивая эту вечеринку месяц, оставил без приглашения нескольких знакомых, лишенных чувства юмора, или стиля, или того и другого.

— Скажи уж, что они не отвечают твоим стандартам в том, что касается безудержного веселья, — выкрикнул кто-то, и Хитеркот согласно кивнул, коснувшись поля шляпы.

Покинув клуб, весельчаки отправились в театр. Представление уже началось, когда они заполонили партер в поисках новых развлечений. К тому времени как закрылся занавес, приятели изрядно набрались бренди, закидали сцену апельсинами и потеряли Клифтона, угодившего в лапы продажной девицы.

Что происходило дальше, подвыпившие гуляки помнили смутно. Кажется, пели на улицах Уэстминстера, где несчастного Марлоу вывернуло наизнанку от количества выпитого, а затем оказались у дверей клуба «Вега». Было так поздно, что управляющий попытался отговорить компанию от участия в игре. Мистер Форбс знал, что каждый из этих господ может делать ставки часами, а двери клуба «Вега», как правило, закрывались с рассветом, однако Хитеркот упрямился управающего их впустить и предоставить в личное пользование зал для игры в вист.

— К полудню мы уйдем, — пообещал Хитеркот, хлопав мистера Форбса по груди и сунув ему в карман пригоршню купюр.

Говорил он на удивление членораздельно для человека, угощавшегося горячительными напитками на протяжении восьми часов. С мрачным выражением лица Форбс впустил посетителей, и они тут же собрались вокруг игорного стола, потребовав принести еще вина.

Несколько наиболее отважных членов клуба двинулись за шумной компанией. Форбс попытался их остановить, но Форестер узнал одного из завсегдатаев клуба и, икнув, приветственно помахал рукой.

— Мы совсем не прочь выиграть их деньги.

Сначала друзья резались в вист, а потом переключились на «мушку». Один из проигравших, приняв брошенный ему вызов, опустошил полную фляжку виски за один присест. Зал наполнился дымом сигар и нецензурной бранью. Ставки росли с каждой минутой. Марлоу выиграл у Форестера чистопородного жеребенка. Хитеркот поставил на кон собственный фаэтон, а в итоге выиграл у кого-то ландо. Сэквилл стал обладателем самого крупного за ночь выигрыша, и присутствующие забросали его фишками.

Но вскоре один из наблюдавших за этим разгулом членов клуба испортил все веселье. В нем с легкостью угадывался сельский житель, незнакомый с нравами Лондона, а его самодовольное бахвальство, казавшееся понача-

лу забавным, вскоре стало раздражать. Играл он довольно неплохо, а проигрывая, раздражался такими цветистыми ругательствами, что окружающие покатывались со смеху, однако когда мистер Уинстон поставил на кон собственный дом, всем стало ясно, что он совершенно лишился рассудка.

Марлоу рассмеялся. Хитеркот взял со стола подписанную Уинстоном закладную и вскинул бровь.

— Вы не можете ставить на кон недвижимость!

И без того раскрасневшийся от большого количества выпитого, Уинстон стал совсем багровым.

— Еще как могу! Этот парень поставил на кон лошадь!

— Лошадь — движимое имущество, — пояснил Форестер, ливерпульский выговор которого стал еще более явственным. — В отличие от дома.

— Но дом гораздо дороже!

— Верно. Это слишком дорогое имущество. — Хитеркот подвинул закладную Уинстону. — Фишки.

— У меня больше нет фишек, — пробормотал молодой человек.

Все присутствующие ошеломленно уставились на опустевшее место на столе: никто из них не проигрался до такой степени.

— В таком случае освободите место, — произнес Форестер. — Вы выбыли из игры.

Приятель попытался подсунуть ему несколько фишек, но Уинстон, упрямо выпятив подбородок, зло оттолкнул их.

— Дайте мне возможность отыграться.

— Ни одной фишки? Весомая причина, чтобы остановиться, — взмахнул рукой Марлоу, едва не свалившись со стула.

Мистер Форбс, мрачно наблюдавший за происходящим, вышел вперед.

— Мистер Уинстон, — тихо произнес управляющий, — пожалуй, вам и правда пора остановиться.

— Не сейчас! — Уинстон недобро оглядел присутствующих, раздраженно отмахнувшись от пытавшегося урезонить его друга. — Не сейчас, Фарли! У них была возможность повернуть удачу к себе лицом. Так почему я не могу поступить так же?

— Потому что удача подобна ветру, — раздался чей-то голос, и Николас Дэшвуд, владелец заведения, вышел из тени. — Она редко проявляет благосклонность к проигравшему.

Однако Уинстон, упрямо вжавшись в спинку стула, стоял на своем:

— Я заслуживаю еще одного шанса.

Хитеркот закинул руки за спинку стула.

— Ну как, Уэст, что скажешь? Может, позволим ему остаться и дадим возможность проиграть все, что имеет?

Откинувшись на спинку стула, с бокалом вина в одной руке и мастерски разложенными веером картами — в другой, маркиз Уэстмарленд поднял глаза на собравшихся.

— Вам и правда пора домой, Уинсмур.

— Скорее уж Уинслесс*, — осклабился Марлоу.

Уинстон выпрямился на своем стуле и посмотрел на маркиза как на свою последнюю надежду.

— Прошу вас, милорд.

— О, позвольте ему себя погубить, — пробормотал Форестер, тасуя карты.

Маркиз слегка пожал плечами.

— Будь я проклят, если мне есть до этого дело.

Хитеркот перевел взгляд на владельца клуба.

— Дэшвуд, вы по-прежнему требуете строгого соблюдения правил?

— Мистер Уинстон, не делайте ставок, если не можете позволить себе проигрыш, — невозмутимо произнес тот.

---

* Имеется ввиду сочетание двух английских слов «wins less», что буквально означает «лишенный выигрыша». — *Здесь и далее примеч. пер.*

Схватив со стола закладную, Уинстон добавил еще одну строчку и поставил под документом витиеватую подпись, но обещания своего не сдержал: за четыре кона выиграв немного наличных, потом снова проиграл все, включая закладную, и внезапно как-то обмяк, утратил недавнюю воинственность и больше не проявлял упрямства. Совершенно ошеломленный, мистер Уинстон, глядя на пустой стол перед собой, был похож на неоперившегося юнца.

— Зря вы нас не послушали, — сочувственно произнес Хитеркот. — Вам следовало выйти из-за стола.

— Просто мне не стоило играть с такими, как вы! — обиженно заявил Уинстон.

— А вы н... не знали, с кем имеете дело? — выдавил Марлоу, которому слова давались с большим трудом. — Чертов глупец!

— Это мой дом!

— И вы поставили его на кон! — саркастически усмехнулся Марлоу. — Идиот.

Уинстон побагровел так густо, что теперь напоминал свеклу.

— Не называйте меня так!

Сэквилл вскинул бровь.

— Да? Только вот дом-то больше не ваш. — Он выудил закладную из кучи фишек и принялся изучать, хотя взгляд его с трудом концентрировался на строчках. — Похоже, теперь он принадлежит Уэсту.

Окружающие разразились смехом.

— Но он ведь ему не нужен! — воскликнул Уинстон и подался было вперед, пытаясь схватить закладную, но друг удержал его за руку. — У него целая дюжина домов!

— Устройте там бордель, Уэст, — предложил Форестер. — И предоставьте всем своим друзьям скидку.

— Или бесплатное посещение! — с хриплым смехом выкрикнул Марлоу.

Уинстон гневно втянул носом воздух и, не желая выслушивать оскорбительные замечания, бросился вон из зала. Он долго сражался с дверью, а когда наконец открыл, едва не скатился со ступенек под дружный хохот подвыпившей компании.

— Кто его пригласил? — презрительно спросил Хитеркот, когда дверь за ним захлопнулась.

— Марлоу.

— Чушь! — пробормотал тот, ткнувшись лбом в столешницу. — Я его не приглашал. Это все Форестер.

Ответом ему был непристойный жест.

— Готов поклясться, что его пригласил Фарли.

— Все ваши друзья низкого пошиба, — произнес Сэквилл.

Форестер заметно напрягся, потом вдруг поднялся и порывисто поднял бокал, расплескав вино.

— Благодарю вас всех за потрясающий вечер, джентльмены.

Однако последовавший за этими словами поклон предназначался лишь виконту Хитеркоту и лорду Уэстмарленду.

Хитеркот попытался его остановить, но Форестер лишь отмахнулся и покинул клуб. Марлоу спал, положив голову на стол, Сэквилл пьяно хихикал, а Уэст хотел было встать, но с первой попытки ему это не удалось. Опершись на столешницу, словно собираясь с силами, он наконец поднялся со своего места и потребовал:

— Экипажи, Дэшвуд.

Сохраняя каменное выражение лица, владелец клуба вышел из зала, а Уэстмарленд, оглядев стол, удивленно спросил:

— Я что, последний кон выиграл?

— Ага, — широко зевнув, кивнул Хитеркот.

— Запишите все на мой счет, Форбс, — произнес маркиз. — Господи, как же я устал.

С таким же непроницаемым выражением лица, как и у владельца клуба, управляющий вышел вперед, с отворачиванием взяв со стола закладную и протянул маркизу.

— Этого я на ваш счет записать не смогу, милорд.

Уэстмарленд посмотрел на бумагу.

— Черт! Верно...

Сунув документ в карман, в сопровождении Хитеркота он вышел навстречу солнечному утру.

Глава 2

Джорджиана Лукас прекрасно проводила время у своей подруги в Дербишире до тех пор, пока не пришло письмо. Единственному листку бумаги, сложенному вчетверо, удалось непреднамеренно пошатнуть привычный уклад ее жизни, после чего события приняли совершенно неожиданный и непредсказуемый поворот.

Но тогда Джорджиана еще не знала об этом.

Письмо пришло за завтраком. Джорджиана попивала чай, наслаждаясь обретенной свободой: ведь ее строгая наставница леди Сидлоу осталась в Лондоне, в то время как сама она на время удалилась в Мэрифилд. Хозяйка дома и близкая школьная подруга Джорджианы Китти, превратившаяся теперь в леди Уинстон, сидела во главе стола с крохотной дочуркой на руках и не скрывала своего восторга. Малышке сегодня исполнилось три месяца. Золовка Китти Женева вслух читала занимательные выдержки из местной приходской газеты. Вдовствующая леди Уинстон, свекровь Китти, которую все члены семьи называли просто «матушка», слушала дочь, тихонько посмеиваясь над рассказом о свиньях мистера Потта, вырвавшихся из загона, и одновременно просматривала меню предстоящего ужина. Сегодня составить им компанию согласился местный викарий с семьей.

Дворецкий Уильямс принес утреннюю почту и протянул поднос Китти:

— От сэра Чарлза.

— О! — С довольной улыбкой Китти положила малышку в колыбель, стоявшую рядом, взяла письмо и сломала печать.

Джорджиана допила чай и подвинула чашку к Женева, чтобы та наполнила ее. Легкий ветерок доносил сквозь распахнутые окна столовой насыщенный аромат лета и гудение пчел в саду. Судя по всему, обитателей дома ждал очередной погожий летний денек. Джорджиана подумывала о длительной прогулке пешком или верхом. Сельская жизнь во многом уступала городской, но только не в том, что касалось прогулок и развлечений на воздухе.

Из раздумий ее вывел звон стекла: это Китти уронила чашку и выпрямилась на стуле.

— Что-то случилось? — встрепенулась Джорджиана.

Китти протянула руку с зажатым в ней с такой силой письмом, что побелели костяшки пальцев, и едва слышно произнесла:

— Чарлз...

Женева тотчас же замолчала, а матушка Уинстон обеспокоенно спросила:

— Что случилось с Чарлзом?

— Что-то ужасное. — Китти оглядела присутствующих и, нахмурившись, начала читать: — «Моя дорогая жена, мне бы очень не хотелось тебя пугать, но в моей душе царит сумятица и пишу я тебе в страшной спешке. Мне ужасно не повезло столкнуться с...» — Голос Китти сорвался, глаза наполнились слезами.

— Он что, умер? — в ужасе воскликнула Женева.

— В таком случае он вряд ли смог бы это написать, — возразила Джорджиана и наклонилась к колыбели, чтобы успокоить малышку, которая заплакала, испугавшись. — Продолжай, Китти. Что же все-таки случилось?

Китти молчала, устремив взгляд в окно.

— Так скажи же, наконец, что произошло, дорогая, — обратилась к невестке матушка Уинстон. — Его ограбили? Он ранен? Я слышала, что в Лондоне не так уж безопасно.

Китти ничего не ответила — просто продолжила читать:

— «Мне ужасно не повезло столкнуться с компанией весьма коварных джентльменов, по вине которых я понес большие потери. Я жив и здоров, но моя гордость уязвлена, достоинство задето».

— Кто-то его избил! — перебила золовку Женева. — Он что, принимал участие в боксерском поединке?

Китти пожала плечами.

— Не думаю. Послушайте, что он пишет дальше: «Имя самого главного негодяя, коварно меня обманувшего, лорд Уэстмарленд. Я опасаясь, что он явится в Осборн-Хаус. Если это произойдет, любовь моя, ни за что его не впускай, иначе он всех нас уничтожит».

Женева испуганно охнула, у матушки Уинстон отвисла челюсть.

Китти перевернула лист и, пробежав глазами написанное, сказала:

— Чарлз пишет, что пытается предотвратить катастрофу и сообщит о результатах позже, а также повторяет, что мы не должны впускать лорда Уэстмарленда в дом.

— Должно быть, речь идет о дуэли! — не удержалась от предположения Женева.

— Не говори ерунду! — строго посмотрела на девушку мать. — Чарлз не настолько безрассуден.

— Даже если и была дуэль, то чувствует он себя неплохо, раз сумел собственноручно это написать, — заметила Джорджиана.

— Но зачем, скажите на милость, Уэстмарленд придет сюда, если они повздорили с Чарлзом? — медленно проговорила, словно обращаясь к самой себе, Китти

и еще раз пробежалась по строчкам письма. — Чарлз пишет, что его обманули...

— Должно быть, это как-то связано с бизнесом, — предположила матушка Уинстон. — Чарлз бывает порой таким доверчивым. Я всегда опасалась, что он может стать добычей какого-нибудь нечистого на руку дельца. Кстати, его отца это тоже беспокоило.

— Но что за дела могут связывать его с маркизом? — нахмурилась Китти, задумчиво приложив палец к губам. — Он наверняка хотя бы упомянул о знакомстве с ним. Если же маркиз поступил неэтично, мистер Джексон непременно с этим разберется.

Мистер Джексон долгие годы служил семейным поверенным Китти, а после ее замужества принял под свой контроль и дела Уинстонов.

— Сомневаюсь, что маркиз имеет хоть какое-то представление, как вести дела, — фыркнула Джорджиана. — Ведь всем известно, что в их семействе управляет его отец герцог Роленд.

Все удивленно уставились на Джорджиану, и тут Китти осенило:

— Ну конечно! Ты должна знать лорда Уэстмарленда, ведь уже три года живешь в Лондоне!

Поглаживая малышку по спинке, Джорджиана поморщилась.

— Я не знакома с лордом Уэстмарлендом, но много о нем слышала.

Они вращались в одних и тех же кругах, поэтому не знать о такой известной личности, как маркиз Уэстмарленд, было просто невозможно. Наставница Джорджианы леди Сидлоу обладала прямо-таки энциклопедическими знаниями в том, что касалось лондонских холостяков, и обсуждала их с таким живым интересом, что позавидовали бы любители лошадей на скачках в Эскоте.

Джорджиана вполне могла удовлетворить интерес Китти. Высокий, красивый, стройный, маркиз обладал

поистине убийственным шармом, если хотел кого-то очаровать. Дамы теряли голову при виде его темных локонов и блестящих глаз цвета ореховой скорлупы. К тому же он был единственным наследником герцога Роланда, одного из богатейших в Англии, так что слыл чуть ли не самым завидным женихом Англии. Леди Сидлоу не раз сокрушалась относительно предстоящего замужества Джорджианы, которая была помолвлена с обычным виконтом, в то время как ее окружали такие мужчины, как Уэстмарленд, выставляя напоказ свой статус холостяка.

Джорджиане, в отличие от наставницы, была известна и другая сторона этой блестящей медали, и именно поэтому она с презрением относилась к Уэстмарленду.

— Что он за человек? — спросила Китти, с любопытством взглянув на подругу.

— Негодяй? Обманщик? — подхватила Женева.

— Похоже, он бесчестный человек, если так жестоко обманул Чарлза! — провозгласила и матушка Уинстон.

Что касается Джорджианы, то, по ее мнению, маркиз Уэстмарленд гораздо хуже.

— Уж я точно не встану на защиту его чести.

Матушка Уинстон округлила глаза, а Женева с неподдельным интересом спросила:

— Что такого он сделал?

Джорджиана была невысокого мнения о маркизе, но на то имелись исключительно личные причины и ее совесть на мгновение взбунтовалась. Ведь то обстоятельство, что маркиз ей не нравился, ужасно не нравился, вовсе не означало, что она должна очернить его имя перед всеми обитателями Дербишира.

Ей пришли на ум строчки из письма Чарлза: Уэстмарленд его обманул и намерен явиться сюда, но с какой стати? Если маркиз вознамерился наказать за какие-то преступления Чарлза Китти, ее чудесную малышку или Женеву с матерью, то Джорджиана ни за что не останется в стороне.

— У маркиза скандальная слава негодяя, — начала Джорджиана, наслышанная о «подвигах» Уэстмарленда. — И если бы ты, Китти, провела сезон в Лондоне, то прекрасно знала бы это и без меня. Он вращается в довольно сомнительной компании виконта Хитеркота, лорда Марлоу и шокирующего своим поведением лорда Клифтона. Да ты должна помнить его: джентльмен, едва не свернувший себе шею во время попытки взобраться на шпиль собора Святого Мартина.

— О господи! — выдохнула Женева.

— Но как Чарлз оказался в таком обществе? — разволновалась матушка Уинстон.

— Должно быть, это всего лишь случайность и, возможно, Чарлз вовсе ни при чем, — продолжила Джорджиана. — В бульварных газетах постоянно появляются сплетни о выходках его друзей, известных своими дикими забавами. Однажды они положили в лодку своего пьяного приятеля и отправили в путешествие по Темзе, решив, что это очень весело. Бедняга проснулся, лишь когда лодка ткнулась в берег в Гринвиче, а ведь вполне мог свалиться в воду и утонуть.

— О, и ты думаешь, что они сыграли такую же злую шутку с Чарлзом? — Женева зарделась от возбуждения, заинтригованная и в то же время напуганная таким поворотом событий. — Как это, должно быть, ужасно! Бедный Чарлз!

— Да нет, не похоже, чтобы он водил знакомство с такими людьми, — произнесла Китти и внимательно посмотрела на подругу: — Но за что ты так невзлюбила Уэстмарленда? Ведь безрассудством и безнравственностью грешат и другие лондонские джентльмены, но ты к ним относишься вполне лояльно.

— Мне бы не хотелось прослыть сплетницей, — рассмеялась Джорджиана.

— Ну не будь такой скрытной! — взмолилась Женева, за что тотчас же заработала неодобрительный взгляд матери.

Джорджиана сделала глоток чаю.

— Ну, раз вы настаиваете...

— О да! — Женева так энергично подалась вперед, что едва не свалилась со стула, заслужив укоризненный взгляд матушки Уинстон. — Возможно, он уже едет сюда, так что, полагаю, нам просто необходимо знать о нем все, даже самое ужасное.

Матушка Уинстон поджала губы.

— И все же неприлично проявлять интерес столь явно...

Однако Женева лишь усмехнулась, а Китти едва не подавилась от рвущегося наружу смеха.

— Уэстмарленд — самый настоящий подлец, — начала рассказ Джорджиана, напрочь позабыв о скрытности. — У него дурные манеры и подлый нрав. Он и его приятель лорд Хитеркот, такой же бездельник, забавляются, отпускают язвительные замечания в адрес окружающих, и при этом им нет никакого дела до того, что их могут услышать. На одном из званых вечеров этой весной, например, они презрительно отозвались о Джоанне Хочкинс, обозвав ее простушкой, а потом заявили, что леди Телфорд отвратительная хозяйка, а убранство ее дома вызывает оторопь.

Девушка на мгновение замолчала, решая, говорить ли, какого мнения этот пьяный мерзавец о ней самой, и все-таки призналась:

— Я же, по его мнению, глупая пустая вертихвостка, которая только тем и занимается, что дразнит мужчин.

О том, что маркиз высказал это в куда более грубых выражениях, она умолчала.

Рот Китти приоткрылся помимо ее воли, а глаза Женева блеснули гневом.

— Ты — глупая? Да как он посмел!

— Какая бестактность! — с негодованием покачала головой матушка Уинстон. — Отвратительный человек!

— Да, вы совершенно правы: ничто, кроме собственной персоны, его не интересует, — согласилась Джорджиана. — Совершенно безнравственный человек.